

Дроздова Марина Андреевна

**ОБРАЗ "ЗЛОЙ ЖЕНЫ" В ПЕРЕВОДНОМ РЫЦАРСКОМ РОМАНЕ XVII ВЕКА НА ПРИМЕРЕ
ОБРАЗА КОРОЛЕВЫ МИЛITРИСЫ В "ПОВЕСТИ О БОВЕ КОРОЛЕВИЧЕ"**

В статье рассматриваются отличительные особенности образа "злой жены" в переводном рыцарском романе XVII века. Выявляются различия интерпретации данного типа в оригинальной и переводной древнерусской словесности. Особое внимание уделено различию типологических черт образа "злой жены", что позволяет говорить о разнице восприятия феноменов "добра" и "зла" в иностранной литературе и словесности Древней Руси, а также о степени восприимчивости новых идей древнерусским книжником XVII века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 20-22. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 801.733

В статье рассматриваются отличительные особенности образа «злой жены» в переводном рыцарском романе XVII века. Выявляются различия интерпретации данного типа в оригинальной и переводной древнерусской словесности. Особое внимание уделено различию типологических черт образа «злой жены», что позволяет говорить о разнице восприятия феноменов «добра» и «зла» в иностранной литературе и словесности Древней Руси, а также о степени восприимчивости новых идей древнерусским книжником XVII века.

Ключевые слова и фразы: тип «злой жены»; переводной рыцарский роман XVII века; образ королевы Милитрисы; «Повесть о Бове королевиче»; женский образ в древнерусской словесности; отличительные черты женского образа в переводной литературе.

Дроздова Марина Андреевна

Литературный институт имени А. М. Горького

Kira_77707@list.ru

ОБРАЗ «ЗЛОЙ ЖЕНЫ» В ПЕРЕВОДНОМ РЫЦАРСКОМ РОМАНЕ XVII ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА КОРОЛЕВЫ МИЛИТРИСЫ В «ПОВЕСТИ О БОВЕ КОРОЛЕВИЧЕ»

Согласно исследованиям «Повести о Бове королевиче» [10] А. Н. Пыпина [12], А. Н. Веселовского [1] и других видных ученых, достижения которых с полнотой проанализированы, обобщены и дополнены В. Д. Кузьминой [4], история появления «Повести о Бове Королевиче» на территории Руси такова. Французская *chanson de geste* («песнь о деяниях») распространяется в Западной Европе в XIII веке. Печатные итальянские издания поэмы о Бове в XVI веке попадают в Белоруссию через Балканы и затем в Московскую Русь [Там же, с. 83-84]. Популярность повести на Руси XVII века, то есть с немалым отставанием от ее распространения в Европе, может говорить о том, что именно в XVII веке в древней Руси возникает особенный интерес к подобному рода не «душеполезному чтению». Как писал Д. С. Лихачев, «в XVII в. западная литература проникла к нам далеко не в новых образцах, а в образцах устаревших для Запада жанров. Эти устаревшие жанры были стадильно близки русской литературе» [6, с. 74].

Текст «Повести о Бове», на который мы будем опираться в данной статье [10], В. Д. Кузьмина относит к III типу списков, отличающемуся наибольшим количеством черт русской переработки [4, с. 111]. Однако не следует забывать, что данный список «Повести о Бове королевиче», притом, что он «носит яркие следы воздействия русского фольклора» [Там же, с. 84], военной повести и содержит ряд «подробностей, обличающих участие чисто русского народного творчества» [Там же, с. 102], все же является произведением иностранной литературы иностранного жанра рыцарского романа со всеми его особенностями.

Влияние переводного рыцарского романа на оригинальную древнерусскую словесность рассматривалось в работах А. Н. Веселовского [1], А. Н. Пыпина [12], В. Д. Кузьминой [5], Е. К. Ромодановской [13], А. С. Орлова [7], в коллективном труде «Истоки русской беллетристики» [3]. Однако особенности изображения женского образа в переводной повести, их отличие от ведущих черт женских персонажей оригинальной древнерусской повести XVII века не обращали на себя внимания исследователей. Вместе с тем, анализ различий знаковых качеств в разработке женского образа добавит важный материал к вопросу об оригинальности мировоззрения и метода древнерусских книжников, о степени восприимчивости их к новым идеям иностранной литературы. Цель данной статьи – увидеть особенности и отличительные черты в разработке одного из женских типов переводного рыцарского романа XVII века – типа «злой жены».

Переводной рыцарский роман знакомит древнерусского читателя с женскими образами, которые, в сравнении с персонажами древнерусской литературы, отличаются необузданным своеволием. Даже положительным героиням «Повести о Бове королевиче» и «Повести о Петре Златых Ключей» безразличны наставление родителей, благословение церкви, верность своему слову. Милитриса противоречит отцу: «Не давай меня за короля Видона, дай меня за короля Дадона» [10, с. 275-276]. Дружневна пренебрегает таинством брака, сходясь с возлюбленным без благословения Бога: «И пошел с Дружневною в шатер, и Бова з Дружневною *совокупилсь*» [Там же, с. 293]. Она также лжет своему нелюбимому жениху о смерти собственных родителей, чтобы отложить бракосочетание [Там же, с. 291]. Королевна Магилена решается на самовольное бегство с возлюбленным (хотя и планирует сохранить девичью честь до дня свадьбы), не ставя в известность короля и королеву, любезных своих родителей [11, с. 346-347].

Любые просьбы женских персонажей мужчины стараются исполнить, сопроводив действия словами: «Буди на твоей воли» [10, с. 288]. Отцы просто безотказны перед своими дочерьми, которые у них «в любви» [Там же, с. 280, 288]: «И все то чиниль для дщери своей»; «И всегда отца к тому приводила, чтобъ часто шурмованья были» [11, с. 328]. В «Повести о Петре Златых Ключей» мотив покорности мужчин женской воле трансформируется в идею служения даме сердца, то есть становится отличительной особенностью жанра куртуазного романа. Петр так обращается к возлюбленной: «Молю, чтоб могль быти при милости вашей послѣднимъ служебникомъ» [Там же, с. 330].

Итак, своеволие женских персонажей – одна из характерных черт женского образа переводной литературы, тогда как в оригинальной древнерусской словесности своеволие присуще исключительно типу «злой жены», поскольку положительные женские персонажи действуют согласно воле Божьей. Образ «злой жены» в переводном рыцарском романе имеет оригинальные особенности, отличающие разработку этого типа в зарубежной литературе от древнерусской словесности [2].

Обратимся к образу «злой жены» королевы Милитрисы «Повести о Бове королевиче», столь распространенной на Руси XVII века. Очевидно отсутствие мотива оправдания поведения «злой жены» вмешательством дьявола, если этот мотив не привносится при переводе древнерусским книжником. Королева Милитриса убивает мужа и покушается на жизнь сына своей волей. Иностраный автор не рассуждает о влиянии высших сил, добра и зла, которые направляют действия персонажа в понимании древнерусского книжника: «Злые дела в жизни совершаются по наущению дьявола... Добрые дела – по воле Бога» [15, с. 344].

Существенно, что «злая жена» переводной повести обыкновенно имеет имя наряду с другими персонажами. Исход ее судьбы автор не оставляет без внимания, как это часто делает древнерусский книжник. То есть, в отличие от типа «злой жены» в древнерусской словесности, в переводной литературе отрицательный женский персонаж вполне можно назвать характером, хотя и имеющим некоторые типические черты [14, с. 248, 253-258].

В «Повести о Бове королевиче» известны жизнь и мучительная смерть «злой жены», королевы Милитрисы, последняя из которых была predeterminedена «эпической справедливостью». Интересны детали погребения: «И велѣл Бова гроб здѣлать, положил мать свою живу во гроб и одевал гроб камками и бархаты... И по ней сорокоусты роздал» [10, с. 300]. Яркий оксюморон: элементы внешнего почитания (бархаты и сорокоусты) при страшной сути (погребение заживо) – возмездие героине, которая погубила мужа лицемерием, заманив радостной ложной вестью. «Понесла язь второе чрево, не вѣмъ сынъ, не вемъ дочь, – говорит она супругу, посылая его на смерть. – Накорми меня дикаго вепря свежимъ мясомъ, от твоея руки убиенаго» [Там же, с. 276]. Примечательно, что словосочетание «дикого вепря» стоит в позиции приложения и может восприниматься как парафраза к образу царицы: «меня, дикаго вепря», – что вполне соответствует характеру жестокой королевы.

Итак, коварство – неотъемлемая типологическая черта образа «злой жены» в мировой литературе. Милитриса бесцеремонно и нахально угрожает слуге мужа, предупреждая его о беспощадности женского коварства: «И будет ты, слуга Личарда, государыни своей ослушаешься..., и язь тебя оболгу государю своему королю Видону небылыми словесы, и онъ тебя скоро велить злою смертью казнить» [Там же].

Похотливость как основная мотивация действий «злой жены» присуща образу королевы Милитрисы, которая «любезно в уста целова и поведе его (нового возлюбленного) в королевские полаты» [Там же, с. 277] сразу после убийства супруга.

«Злая жена» традиционно молода и прекрасна. «Прекрасная» – постоянный эпитет королевы Милитрисы [Там же, с. 275, 276, 277, 278, 300], но прекрасна она только внешне. В повести происходит разделение понятия на внутреннюю и внешнюю организацию человека. Комично смотрятся именование королевы «прекрасной» и описание ее жестокости в пределах одной фразы, этот оксюморон наблюдаем в характеристике королевы одним из персонажей: «Мати твоя злодей, прекрасная королевна Милитриса. С королемъ Дадонем извела она, зладѣй, государя моего, а батюшка твоего, добраго и славнаго короля Видона» [Там же, с. 277].

Важно, что героиня предает не только супруга, «славнаго и добраго короля» [Там же, с. 275], но и сына, которого «прижила» за три года семейной жизни. Существенно, что даже мужчина, царь Дадон, соблазненный письмом царицы, видит всю противоестественность ее поступка: «Что государыни ваша меня смущает? А уже она с королем Видоном и дѣтище прижила» [Там же, с. 276]. Итак, образ Милитрисы представляет не просто образ «злой жены», но и образ «злой матери», который чрезвычайно редок в древнерусской литературе. «И прекрасная королева Милитриса почела говорить: “Могу язь и сама Бовѣ (своему сыну) смерть предати. Посажу ево в темницу и не дам ему ни пити, ни ясти, та ж ему смерть будет”» [Там же, с. 278].

Интересно рассмотреть интерпретацию образа Милитрисы в исследовании В. Д. Кузьминой: «В центральных женских образах этой повести (Белорусского Познанского списка) ясно сказывается жизнеутверждающее прославление владычицы любви, звучащее в XII-XIII вв. как в рыцарском романе, так и в лирике трубадуров... Во имя своей поруганной любви подстраивает убийство старого мужа красавица Бландо... Откровенно и целомудренно описаны эротические сцены, без ложной стыдливости, но и без всякого любования ими» [4, с. 114].

Стоит заметить, что данная интерпретация действий женского персонажа обусловлена именно иностранными корнями повести. Для древнерусской словесности подобная трактовка чужда и неорганична. В художественном мире переработанной «Повести о Бове королевиче» королева Милитриса – крайне отрицательный персонаж. Ее поведение: убийство мужа, безжалостные покушения на сына, угрозы слугам – не оправдывается романтической «поруганной любовью», почему Бова и восстанавливает «эпическую справедливость», отплатив матери смертью за смерть. В противном случае убийство матери должно было быть зверством, которое совершает положительный персонаж, к тому же – главный герой повести.

Для древнерусской словесности считать эротические сцены данной повести «целомудренными» также не приходится. Напротив, можно говорить о бесцеремонной пренебрежительности, с которой автор пишет о близости героев, вероятно потому, что она не освящена таинством брака, венчанием: «И пошешь с Дружневною в шатер, и Бова з Дружневною *совокупилсь*» [10, с. 293]. Нова и подчеркнутость физиологических деталей: «И бова вышель из шатра холодитца» [Там же]. Примечательно, что в эрмитажном списке XVIII века

слово «совокупился» заменено на «обвенчался» [4, с. 131]. В оригинальной древнерусской словесности XVII века мы не встретим такого грубо-животного описания близости. Даже Савва Грудцын, прелюбодействующий с чужой женой, описывается книжником более скромно, с использованием клишированной конструкции в переносном значении: «несытно творяше блудь» [9, с. 41]. Самое открытое повествование о физической любви мы находим в «Повести о Фроле Скобееве» (здесь мы не рассматриваем вольности демократической сатиры): «Не взирая ни на какой себе страх и ростлил ея девство» [Там же, с. 57]. Однако снова перед нами не грубо прямое описание происходящего, а обобщающий факт.

Итак, образ королевы Милитрисы в «Повести о Бове королевиче» соответствует типу «злой жены». Однако такие типологические черты этого типа как объяснение женских пороков действиями дьявола и несамостоятельность характера героини, ее типичность, отсутствие индивидуальных черт, присущие древнерусской словесности, не находят отклика в переводном рыцарском романе. Кроме того, образ Милитрисы представлен с большим масштабом жестокости, поскольку царица также является «злой матерью». В древнерусской словесности единственный образ «злой матери» – царица-язычница Сююмбике в «Казанской истории» [8]. Таковы отличительные особенности образа «злой жены» в переводном рыцарском романе XVII века.

Список литературы

1. **Веселовский А. Н.** Из истории романа и повести. Выпуск второй. Славяно-романский отдел. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1888. 623 с.
2. **Дроздова М. А.** Образ «злой жены» в произведениях древнерусской словесности XVII века // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Филология. СПб., 2015. Т. 1. № 4. С. 9-15.
3. **Истоки русской беллетристики (возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе)** / отв. ред. Я. С. Лурье. Л.: Наука, 1970. 593 с.
4. **Кузьмина В. Д.** Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции XVII-XIX веков // Старинная русская повесть. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. С. 83-134.
5. **Кузьмина В. Д.** Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых ключей. М.: Наука, 1964. 344 с.
6. **Лихачев Д. С.** Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 357 с.
7. **Орлов А. С.** Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII-XVII веков. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1934. 169 с.
8. **Памятники литературы Древней Руси, середина XVI века.** М.: Художественная литература, 1986. 638 с.
9. **Памятники литературы древней Руси, XVII век.** М.: Художественная литература, 1988. Кн. 1. 704 с.
10. **Повесть о Бове королевиче** // Памятники литературы древней Руси, XVII век. М.: Художественная литература, 1988. Кн. 1. С. 275-300.
11. **Повесть о Петре Златых Ключей** // Памятники литературы древней Руси, XVII век. М.: Художественная литература, 1988. Кн. 1. С. 323-373.
12. **Пыпин А. Н.** Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских // Ученые записки 2-го отд. Имп. Ак. Наук. 1858. Ч. IV. 360 с.
13. **Ромодановская Е. К.** Русская литература на пороге Нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. 232 с.
14. **Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н.** Теория литературы. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика: в 2-х т. М.: Академия, 2014. Т. 1. 510 с.
15. **Ужанков А. Н.** Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2011. 511 с.

THE IMAGE OF “AN EVIL WIFE” IN THE TRANSLATED TALE OF CHIVALRY OF THE XVII CENTURY BY THE EXAMPLE OF THE IMAGE OF THE QUEEN MILITRISA IN “THE TALE OF BOVA, THE KING’S SON”

Drozdova Marina Andreevna
Maxim Gorky Literature Institute
Kira_77707@list.ru

The article examines the distinctive peculiarities of the image of “evil wife” in the translated tale of chivalry of the XVII century. The differences of interpretation of this type in the original and translated Old Russian literature are revealed. Special attention is paid to the difference of typological features of the image of “evil wife”, that allows saying about the difference of perception of the phenomena of “kindness” and “evil” in the foreign literature and literature of the Old Russia, and also about the degree of receptivity of new ideas by an Old Russian scribe of the XVII century.

Key words and phrases: the type of “evil wife”; translated tale of chivalry of the XVII century; the image of the Queen Miltrisa; “The Tale of Bova, the King’s Son”; a female image in the Old Russian literature; distinctive features of the female image in the translated literature.